

Чувство как единственный верный способ жизни

Кузьмин Е.Г.

«Люди не любят признаваться в своих заблуждениях», - сказал Лев Шестов про материалиста, который не согласился признать душу бессмертной, когда ему это доказали логическим способом, который присущ всем материалистам [*Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. М.: Издательство АСТ. 2004. С. 83]. Вольтеровский Панглос так ответил на вопрос о причине консерватизма во мнениях: «Я всегда был верен своему прежнему убеждению. В конце концов, я ведь философ, и мне не пристало отречься от своих взглядов; Лейбниц не мог ошибаться, и предустановленная гармония всего прекраснее в мире, так же как полнота вселенной и невесомая материя» [*Вольтер.* Кандид или оптимизм. М.: Издательство художественной литературы. 1955. С. 102]. Мы живем в самом прекрасном из миров – такой императив вылепил для себя лучший из философов, учитель Кандида. «... Человеческая жизнь свершается лишь однажды, и потому мы никогда не сможем определить, какое из наших решений было правильным, а какое – ложным... мы могли решить только один – единственный раз, и нам не дано никакой второй, третьей, четвертой жизни, чтобы иметь возможность сопоставить различные решения», - считает Милан Кундера [*Кундера М.* Невыносимая легкость бытия. СПб.: Издательство Азбука-классика, 2005. С. 248].

Экзистенция человека своей природой располагает его к осмыслению всего происходящего; окружающий мир – беспримерный источник знаний и чувств, трансформируя которые, философ создает субъективную концепцию мира. Наука под названием «философия» лишь объединяет эти способы видения мироздания. То есть философия вытекает из жизни как социокультурного феномена, а жизнь действительная, выраженная в языке – дом бытия человека. Хайдеггер пишет, что через слово с человеком говорит бытие, что расспрашивание сущего на предмет бытия достаточно. Однако вещи не впускают в себя, они требуют усилия и обращения к сокровенному в субъекте и вне субъекта одновременно. Только приближаясь к сокровенному, выявляя его и преображаясь в нем, мы узнаем нечто о бытии. Подлинная реальность открывается человеку в расширенной онтологической перспективе превосходения своей «ветхой» природы, в слышании сокровенного как вечного зова, в умении понимать сокровенное, просвечивающее сквозь зримость бытия.

Существует две интенции в понимании философии. Первая связана с акцентированием спекулятивного, методологического начала, позволяющего поучать естественные и общественные науки, указывать им направления с возвышенных позиций знания наиболее общих закономерностей. Суть другой романтична. Здесь философия привлекательна как поиск смысла жизни, как

попытка понять существование человека в мире, «его путь в этом мире» [Богомяков В. Г. Сокровенное как принцип бытия. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 20]. Если обратиться к философии во втором ее понимании, то, продвигаясь путем честной и непредвзятой антропологии, мы обязательно приходим к фундаментальному парадоксу, противоречию человеческого существования: с одной стороны, мы видим величие человека в окружающем мире, его удивительность и уникальность, с другой же стороны, некую его несамодостаточность, условность и неабсолютность. Знаменитые антропологические вопросы Канта: «Что я могу знать?», «Что мне надлежит делать?» и «На что я могу надеяться?» ясно показывают несамодостаточность антропологии, а значит ее тяготение к сокровенному абсолютному началу. Поэтому рассмотрение человека, претендующее на глубину, невозможно без разговора о бытии, о вечном, об абсолютном начале, о Боге, который дает смысл, цель и ценность человеческому существованию, о некой тайне. Эта тайна выходит за пределы человека как существа разумного и чувственного, она имеет общечеловеческий характер, а там, где проявляется общечеловеческое, есть смысл задуматься над смыслом существования всей системы в целом.

Тайна является таковой постольку, поскольку она скрыта от человеческого разума и взора как одного из способов осознания человеком окружающего мира. Если содержание тайны раскрыто для нас и понято нами, то внешняя оболочка под именем тайна теряет свой исходный смысл. Человеческий разум способен воспринимать окружающий мир, грубо говоря, обрабатывая послы пяти чувств. Эти чувства: осознание, зрение, обоняние, слух и вкус. Целостность же бытия можно познать только чувством, имеющим надприродный, надтелесный характер. В результате мировой экспансии рационального мышления в XX веке современный человек, то есть человек, живущий в XXI веке, практически полностью перестал обращаться к чувству как наиболее широкому, интуитивному методу мышления. Чувственность в человеке осталась лишь в форме любви, дружбы. Все остальное, а в частности - сакральное, святое, заменил разум. «Мы построим самый высокий дом! Мы изобретем самый высокотехнологичный механизм!» - таков лозунг современного общества. Человек уповает на возможности собственного рационального начала. Стоит задаться вопросом, а есть ли подоплека этой надежде?

Рассмотреть чувство как феномен познания человека - наша обязанность. Прежде всего, следует разобраться с понятием чувства в современном научном его понимании.

Толковый словарь под редакцией Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. так трактует понятие «чувство»:

1. Способность ощущать, испытывать, воспринимать внешние воздействия, а также само такое ощущение.

2. Состояние, в котором человек способен сознавать, воспринимать окружающее.
3. Эмоция, переживание.
4. Осознанное отношение к чему-нибудь.
5. То же, что любовь.

Философский словарь под редакцией И.Т. Фролова интерпретирует «чувство» следующим образом: переживание человеком своего отношения к окружающей действительности и к самому себе.

С позиций Толкового словаря невозможно однозначно определить чувство как социо-культурный феномен. Первый вариант определения сводится лишь к внешним органам чувства, то есть через физическое тело человека. Третье и четвертое понимания имеют инстинктивный оттенок, что не отражает сути. Пятое обнимает все через одно действительное явление настоящего. Только второй вариант позволяет свободно абстрагироваться. Здесь чувство воспринимается как некое поле, находясь в котором, человек способен воспринимать, и, главное, сознавать окружающее.

Мое представление и определение чувства как процесса следующее. Человек здесь не только сознает окружающую среду и действительность, но и проживает ее со своих собственных социальных позиций либо с позиций объективных, вбирающих в себя весь комплекс бытийной целостности.

В любом из этих двух случаев чувство воспринимается как иррациональное, то есть не поддающееся воле разума. Разум не воспримет возможность прожить какой-либо отрезок времени со своей внутренней пространственной спецификой, он усвоит только абстрактно некое повторение с иными рефлексивными чертами. Также, эмоции вряд ли есть творение рационального начала.

«Признаки иррациональных действий сводятся к бессознательности - отсутствию контроля и регуляции со стороны собственного разума и подчинению таинственным внешним силам» [Брянник Н.В. Введение в современную теорию познания: учебное пособие. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая Книга, 2003. С. 127]. Таинственные внешние силы есть тайна бытия, ее сокровенный для человека принцип. Этот принцип является тайным для человека, а нечто тайное для определенного существа человеческого рода есть явное для более высшего порядка. Следовательно, чувство - это способ приобщения к высшим законам и смыслом через бессознательное состояние и нечто таинственное.

Вместе с тем, чувство - способ открытия для человеческой души нового знания. Значит, чувствование - один из способов познания. Чувствование не подразумевает структурированность и системность любого явления или действия как целенаправленного элемента деятельности. Чувство не знает категорий, оно трансцендентально, надразумно и сверхперцептивно.

Через чувство постигается сенситив. Механизм этого постижения прост и одновременно сложен. Простота здесь заключается в том, что существует

высшее, существует человек и существуют посылы высшего душе человека через дух и мировой разум. Сложность - в невозможности никаких механизмов, систем и структур в таком многогранном процессе как чувствование. Одновременно, невозможно и определить какой-либо форменный ракурс чувства, ведь оно только содержательно.

Старая формула «Главное не форма, а содержание» не так уж бессмысленна. Это интуитивная догадка философа.

А ведь когда физик открывает какой-либо закон или «золотое» правило для вещей, им же что-то движет? Его разум строго целенаправлен на определенные условия эксперимента или на ту его часть, которая телеологически представляет суть опыта. Он думает только о фиксированных в мышлении связях, движениях и агрегатных состояниях. Архимед не был бы нам так знаком, если бы в один прекрасный день, утомленный долгими поисками путей решения задачи о выяснении массы короны царя, не пошел бы в ванну. И здесь свершается чудо. Только вытеснив своей массой воду, он тут же вскрикивает «Эврика!» и сломя голову бежит, полураздетый, к своим записям и короне. В этот момент произошел перенос свойств одних законов на свойства законов других, системы отсчета совместили друг на друга. И, главное, Архимед абстрактно это «прожил». А Менделеев, которому таблица периодических элементов вообще приснилась? Эйнштейн не сочинил бы теорию относительности, если бы однажды в перерыв между интеллектуальными усилиями не услышал игру прекрасной скрипки. Иными словами, ученые (взята для рассмотрения именно эта категория, так как представители ее заняты занятием разума - рационалистически объяснить картину мира и, вместе с тем, - отдельно-взятый локальный участок), сами не сознавая того, черпают силы вдохновения именно из чувства и через чувство. Чувство - неперенный момент разума.

Что движет наукой? Научный интерес, другими словами, стремление объяснить, понять и осознать. Но этот самый научный интерес имеет чувственную природу. Он стремится познать сенситив, а, если чувство - это уже сенситив, то человек просто восполняет свою суть до первоизданного вида.

Жизнь или смерть невозможно представить предметно, а можно только привязкой к сенситивному, через высшее познать природу этих явлений. Познать именно природу, а не закономерности, системность или структурность.

Чувство - есть глубинная человеческая особенность, которую многие люди не используют во всем многообразии. Чувствование - основа любви и святости. Этот процесс минует все рамки, представленные условиями жизни, каких-либо категориальных понятий, все вещества и субстанции, все бифуркации и флуктуации. Это бессистемный, открытый звук аккорда таинственного мира.

Нет смысла в осознании реальности для того, чтобы только осознать что-либо вещественное. Смысл осознания много выше, оно приближается к чувству в последних своих штрихах жизненных явлений.

Есть промежуточное состояние между чувствованием абсолютным и мышлением как разумным процессом. Это состояние по своим внутренним сентенциям находится во власти чувства, но правит им пока человек с высоты прожитых лет или вследствие озарения, или гениальности и таланта. Это мудрость.

Блез Паскаль писал, что мудрость появляется в тот момент, когда все попытки разума оканчиваются тем, что он осознает, что есть бесконечное число вещей, превышающих его понимание. «Наш мыслительный механизм подвергает себя бесконечной адаптации под бесконечность житейского окружения, чтобы приспособившись, уподобиться» [Таранов П. Философия сорока пяти поколений. М.: Издательство АСТ, 1999. С. 10].

Если наука для своих выводов пользуется чувственно-зависимым инструментарием и повторно-постановочными процедурами, а философия, ходя по краю известного с неизвестным, надеется за счет общности и единства познавательного поля уподобления и аналогизациями построить сущностное уравнение истины, элиминируя пограничный барьер, то мудрость больше смешанное природно-человеческое. Умозаключение таинственно, когда из неизвестно-неизвестного по сокрытым правилам, своды которых сконцентрированы и глубоко хранимы в натурах, избранных миром для такого умения и во благо сохранения и процветания человеческого рода, рождается известно-неизвестное. Мудрость по процессу необъяснима, по результату - неизъяснима и заметна только своим удивительным стойко-эффектным воздействием на любого всегда и на каждого действуя и одинаково, и различно, синхронизируя размыслительные изначальности и координируя любое вхождение в отвлеченный мир, где вопрос и загадка становятся видны лишь тогда, когда покорены проницательностью. След мудрой мысли прекрасен и удивителен по притягательности. Он ценен тем, что повторно не воспроизводим и вечно единственен, вариативный как по формулировке, так и по извлекаемой из этой формулировки содержательности.

Мудрость - это не то, что обычно. Она всегда необычна. Мудрость удивительна. В ее простоте (она проста, ибо всем понята) заключена широчайшая сложность (какой же ей надо быть, чтобы иметь универсальную притягательность!). В моменты встречи с ней мы нередко поражены, нас в такие мгновения посещает один и тот же вопрос: «А я бы мог сказать, подумать, сделать такое? Догадаться, приблизиться, превзойти сумел бы?» И хотя ответы здесь понятны для обычного человека, все равно вновь и вновь нас тревожит и будит зов этого ни во что привычное не вписывающегося явления - мудрости.

Посещая человека, мудрость озадачивает его, повергает в сомнение, в состояние глубоких раздумий, побуждает в причудливой игре витиеватых медитаций и внезапных озарений вдруг увидеть свет раньше огня.

Мудрость не есть ум. Мудрость не умничают в отличие от ума, который очень любит мудрствовать. Но мудрствование ума обязательно заводит в тупик,

поскольку часть не может охватить полноты целостности. Главнейшее в мудрости - ее узор, переплетение возможного с красками невозможного. Мы видим имеющееся и в то же время не можем поверить, что оно может быть.

Мишель Монтень писал: «Если можно быть ученым чужой ученостью, то мудрым можно быть лишь собственной мудростью». Мудрость субъективна и эстетична своим содержанием. Ее субъективность кроется внутренним противоречием. Мудрый человек исходит из априорных знаний, локальных действительных значений тех или иных жизненных ситуаций, то есть мудрый действует ситуативно. Одновременно, совершенномудрый относится к человеческой жизни как к целостному явлению, где все действия и процессы протекают во имя конечной цели, восходящей к содержанию жизни. Этот взгляд можно оценить как взгляд свысока, свысока навсегда, а не отдельно взятый промежуток времени. Возьмем пример со статуей Ленина. Ведь она есть практически в каждом из русских городов. Когда отдельно-взятую только возвели или отлили, она будоражила головы людям, она выводила их состояний полного спокойствия и призывала идти к светлому коммунистическому будущему. Человек искренне радовался взгляду и напутствию вождя «всех времен и народов», верил ему и своему ощущению единства с чем-то священным. Прошло время, жизнь превратилась в серые будни, коммунистическое будущее стало удаляться во времени с геометрической прогрессией, охладели нравы и... статуя стала обычной, такой, каких много...

Мудрость удобна людям, удобна в том смысле, что есть во что верить, кому или чему верить. Она не лишена общечеловеческого смысла и не пренебрегает субъективным видением реальности. Генезис мудрости в чувство невозможен, но возможно обратное. Разум - есть логическое мышление. Разумно, значит в соответствии с пропозициональными законами. Пропозициональные законы исходят из искажения абстрактного восприятия мира. Осязание, слух, вкус, обоняние и зрение также абстрактны своей искаженностью по отношению к первоначальному объекту распознавания, но искажение здесь другого порядка, оно исходит из взаимонаправленного влияния реального мира и человеческих оттенков качественно-усвоенных им в процессе жизнедеятельности импульсов природы и внутренних состояний. Человек здесь привносит свое понимание как доминанту в общем процессе тогда, когда доминантой должна быть именно реальность. Искажение в разумном познании кроется в иррациональных элементах. Человек всегда пытается упростить определенные вычисления, построенные на математическом и логическом методах, например: архив. Процесс архивирования есть перерождение математических матриц высоких порядков в матрицы более низких порядков, путь пролегает здесь через замену повторений в записях определенными переменными. С логической точки зрения, это не подменяет основу рассуждений, но итог таков: среднестатистически процесс архивирования дает в конечном фрагменте 98,5% точности. Она нисходит до свободы релевантной структуры. Это как асимптота в геометрии не может

достигнуть оси, так и в логике жизненное преломление, выраженное в практике не достигнет абстракции мысли в своем максимально приближенном к цели состоянии.

Можно было бы возразить выше приведенному мнению и в доказательство своей правоты обратить внимание на саму абстракцию рассуждения об абстрактном. Абстрагирующая абстракция сама по себе ничего не значит, она обретает определенный смысл, только соединившись с абстрагируемым предметом. До тех пор пока сублимация теоретичности не достигнет апогея в своем преломлении над реальностью, до тех пор абстракция в своем наличном бытии не будет иметь гносеологический смысл, пока она имеет смысл лишь как феномен жизни. Гуссерль пишет, что феноменология предшествует онтологии, то есть какое-либо данное, не вписывающееся в определенные рамки, предшествует появлению бытия. А возможно ли такое? Ведь бытие само по себе вбирает в себя этот феномен. Следовательно, недостигающий сам своего существа гносеологический аспект уже опережает появление онтологического. Это случай вырождения построенной фигуры, как в геометрии вырождаются фигуры от треугольника до икосаэдра. То есть возражение основывается на ошибке и кроется повторным возражением, то есть это движение к сложному бесструктурному от низшего и неабстрагированного. Следовательно, разум бессилен в определенных точках бифуркации.

Мудрость постигает тайны бытия, и, постигнув, пытается создать свою модель этой тайны, такую, какая бы устраивала в первую очередь его самого. Эта самая великая из спекуляций. Тем более, как сказано выше, мудрость создает модель, а модель есть абстрактная структура и организация чего-либо внеабстрактного. Последнее есть жизнь, значит, жизнь не возможно вписать в определенные фиксированные логические законы, так же, как не возможно такую мыслить посредством разумного рационального мышления.

То есть мудрость спекулятивна, поскольку ее существо опирается на авторитет и по причине, выше изложенной. А разум как способ сознания, познания и бытия человека невозможен в абсолюте. Можно предположить: пусть мудрость есть определенный тезис, разум есть антитезис, тогда в соответствии с гегелевским принципом диалектики чувство явится синтезом. Но это предположение неверно, так как ступени в диалектическом ходе как в химии (например: если взять серу и нагреть с железом, то мы получим вещество, называемое как сульфид железа, и он уже не обладает свойствами не серы, не железа) предполагают, что основанное содержит основательное, хотя не обладает его свойствами качественными, но существенные свойства остаются (количество вещества и масса в химических опытах никуда просто так не девается, она остается неизменной, только меняются соотношения), а чувство не имеет общего основания с разумом и мудростью. Оно было первоначально, оно первозданно, а если оно первозданно, то именно чувствованием нужно постигать первозданное - мир и жизнь. И это постижение прекрасно!